

Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 105–111. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 105–111. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 821.161.1.09"20"

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-105-111>

КОНТРАСТЫ В ПИСЬМАХ С.А. ЕСЕНИНА: ПРОЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ДУШЕВНАЯ ЖИЗНЬ

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье описываются и анализируются некоторые важные контрасты, содержащиеся в эпистолярной С.А. Есенина, передающие особенности его натуры и восприятия мира. Автор обращается к проблеме искренности/притворства, широко представленной в письмах поэта, позволяющей оценить процесс его привыкания к непростой действительности. Отмечается, что в посланиях Есенина разным адресатам ставились эксперименты со словом, велся поиск удачных сочетаний лексем. Особое внимание уделяется осмыслению высказываний поэта о душе, его оценке западной жизни. Настроение Есенина менялось часто, и в письма попадали те факты, которые прямо или косвенно были маркированы его эмоционально-оценочным отношением к себе и окружающим людям. Эпистолярный Есенина открывает глубину переживания им многих событий личной и общественной жизни, неизбежное одиночество поэта.

Ключевые слова: С.А. Есенин, письма, контрасты, корреспонденты, настроение, искренность, душевная жизнь, действительность.

Для цитирования: Андреева В.Г. Контрасты в письмах С.А. Есенина: проза действительности и душевная жизнь // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 105–111. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-105-111>

Research Article

CONTRASTS IN THE LETTERS OF SERGEI YESENIN: FROM THE PROSE OF REALITY TO SPIRITUAL LIFE

Valeria G. Andreeva, Doctor of Philological Sciences, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow; Kostroma State University, Kostroma, Russia, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article describes and analyses some of the important contrasts contained in the epistolary of Sergei Yesenin, conveying the features of his nature and perception of the world. The author addresses the problem of sincerity / pretence, widely presented in the poet's letters, which makes it possible to assess the process of his getting used to a difficult reality. It is noted that in Sergei Yesenin's messages to various addressees, experiments were made with the word, a search was conducted for successful combinations of lexemes. Particular attention is paid to comprehending the poet's statements about the soul, his assessment of Western life. Sergei Yesenin's mood changed often, and the letters included those facts that were directly or indirectly marked by his emotional-evaluative attitude towards himself and the people around him. Sergei Yesenin's epistolary reveals the depth of his experience of various events in his personal and social life, the inescapable loneliness of the poet.

Keywords: Sergei Yesenin, letters, contrasts, correspondents, mood, sincerity, spiritual life, reality.

For citation: Andreeva V.G. Contrasts in the letters of Sergei Yesenin: from the prose of reality to spiritual life. Vestnik of Kostroma State University, 2022, vol. 28, № 1, pp. 105–111 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-1-105-111>

В данной статье мы не претендуем на целостный обзор тем, проблем и оценок, встречающихся в письмах Есенина, но особое внимание уделяем контрастам, содержащимся в эпистолярной поэме, передающим особенности его натуры и восприятия мира.

Большинство исследователей отмечают: Есенин не предполагал, что его письма будут предметом изучения, поэтому они носят, конечно, приватный характер (несмотря на амбициозность, эпатажность поэта и его постоянное стремление быть первым). В определенные промежутки времени Есенин догадывался, что его письма могут прочитываться (как компромат на самого автора или его корреспондентов), и даже предупреждал друзей, что переписка может быть просматриваема чужими людьми, однако и в этих письмах поэт достаточно эмоционален и раскован.

В эпистолярном наследии Есенина встречаются краткие высказывания о том, что никакое письмо не может заменить живого общения. По мнению поэта, письменное слово по силе воздействия проигрывает устной беседе, если только это письмо не творчество. Об этом Есенин писал М. Горькому 3 июля 1925 г.: «Помню Вас с последнего раза в Берлине. Думал о Вас часто и много. В словах, и особенно письменных, можно сказать лишь очень малое. Письма не искусство и не творчество» [Есенин: 217]. Тем не менее письма поэта приоткрывают завесу над его внутренними сложностями, причинами одиночества, противоречиями.

Многие послания Есенина откровенны, хотя уже после переписки с М.П. Бальзамовой Есенин стал сдержаннее (это зависело, конечно, и от постепенного его взросления). 20 июня 1913 г. Есенин писал Бальзамовой: «Письма мои вовсе не составят тебе моего мирозерцания. В них одна пустая болтовня, а о чем-либо серьезном говорить с тобой я не имел надобности» [Есенин: 46]. В данном случае поэт не до конца искренен, он желал возвращения ему писем из-за разочарования Бальзамовой, но при этом тексты всех его посланий, конечно, были содержательными. Спустя примерно год, 29 октября 1914 г., Есенин уже *потребуется* эти письма: «...я прошу Вас или даже требую (так как я логически прав) прислать мне мои письма обратно. Если Вы заглядываете часто в свое будущее, то понимаете, что это необходимо» [Есенин: 59].

Для создания письма важно особое настроение адресанта, сосредоточенность и наличие времени. Как можно судить по некоторым посланиям Есенина, не всегда для сообщения информации и общения он выбирал форму письма, нередко не хотел тратить время на письма. В краткой записке к А.В. Ширяевцу от августа – сентября 1919 г. Есенин отмечает: «Милый Шура! Будь добр, помоги устроиться и прию-

ти ночевать моих хороших знакомых. Они расскажут тебе обо всем, *о чем не имею времени передать тебе письменно*» (курсив мой. – В. А.) [Есенин: 109].

В ряде посланий поэта угадывается игра с адресатами, однако она в большей степени касается скорее даже вопросов творчества, нежели личных взаимоотношений. Чуткий к фальши, Есенин не терпел подлогов, очень переживал, когда жизнь вынуждала его ломать себя и подстраиваться под мнение большинства. Его ранние письма полны рассуждениями о необходимости искренности, человеческой чуткости. В середине декабря 1912 г. Есенин писал Г.А. Панфилову: «Если ты требуешь своим письмом от меня всего красивого, чистого, благородного, деликатного, но лицемерного, то знай, это не есть искренность, а я тебе сказал именно так (искренно). Если что-либо и встретилось в моем письме, затрагивающее струны твоей души, то знай, я не отвлеченная идея (какая-либо), а человек, не лишенный чувств, и недостатков, и слабостей» [Есенин: 27].

Сам Есенин далее будет много играть на публике, в том числе и с интересующими его женщинами, но в письмах он чаще всего высказывался прямо. В юности поэт буквально требовал честности и открытости от своих корреспондентов, тем более от тех, к кому был неравнодушен. «Письмо твое меня огорчило, если действительно нет искренности, так к чему же надевать маску лицемерия», – пишет он Бальзамовой от 12 июня 1913 г. [Есенин: 44]. Через три месяца после процитированного выше письма поэт сообщает Бальзамовой о том, как оскудевает его вера в людей под влиянием внешнего зла. Отступает образ искреннего поэта-рыцаря, лелеемый Есениным, ему приходится подстраиваться под действительность, пряча детскую непосредственность: «Постепенно во мне угасла вера в людей, и уже я не такой искренний со всеми. Кто виноват в этом? Конечно, те, которые, подло надевая маску, затрагивали грязными лапами нежные струны моей души. Теперь во мне только еще сомнения в ничтожестве человеческой жизни» [Есенин: 48].

О том, насколько Есенин мог быть разным – однозначно резким и уступчивым, насколько ценил искреннее и простое отношение людей друг к другу, показывает история его взаимоотношений с Н.Н. Ливкиным, в частности ситуация с публикацией сборника стихов последнего «Инок» и письма, связанные с историей выхода этой книги в свет.

Мечтая опубликовать в «Новом журнале для всех» свое уже ранее печатавшееся стихотворение, Ливкин послал в редакцию этого издания стихи – как свои, так и есенинские – с информацией о том, что стихотворение Есенина «Кручина» уже публиковалось в журнале «Млечный путь» и перепечатано «Новым журналом...». Перепечатки в то время не приветство-

вались, тем более начинающих авторов, так что у Есенина возникли проблемы [Ливкин].

Помня о своевольном отношении Ливкина к его произведениям, Есенин даже заявлял о своей готовности выйти из списка сотрудников журнала «Млечный путь», если в нем останется Ливкин [Есенин: 392]. Не исключено, что, ощущая обиду и недовольство, Есенин некоторым образом стремился потопить соперника, устраивая ему возмездие за необдуманные действия». Скорее всего, Есенин остался бы непреклонен, несмотря на все просьбы со стороны, но Ливкин сам написал письмо с извинениями. Есенин отвечал 12 августа 1916 г.: «Мне даже смешным стало казаться, Ливкин, что между нами, два раза видящих друг друга, вдруг вышло какое-то недоразумение, которое почти целый год не успокаивает некоторых. В сущности-то ничего нет. Но зато есть осадок какой-то *мальчишеской лжи*, которая говорит, что вот-де Есенин *попомнит Ливкину*, от которой мне неприятно (курсив мой. – В. А.) [Есенин: 83]. Логично предположить, что проявленная со стороны Ливкина искренность затронула «большую» для Есенина тему: неприятно ему было не столько от прошлых действий Ливкина, сколько из-за необходимости «по-волчьи» отвечать этому «волчье» миру. Именно поэтому поэт, на самом деле собиравшийся «попомнить» Ливкину, быстро отступает назад.

Примерно за год до своего трагического жизненного конца, 20 декабря 1924 г., Есенин писал Г.А. Беннславской: «Галя, голубушка! Спасибо за письмо, оно очень меня обрадовало. Немного и огорчило тем, что Вы сообщили о Воронском. Я верил, а оказалось всё миражем. Может быть, в мире *всё мираж*, и мы *только кажемся друг другу*. Ради бога, *не будьте те миражем Вы*. Это моя последняя ставка, и самая глубокая. Дорогая, делайте всё так, как найдете сами... Я слишком ушел в себя и ничего не знаю, что я написал вчера и что напишу завтра» (курсив мой. – В. А.) [Есенин: 191]. Нельзя отождествлять маски, искусственность и миражи, тем не менее начало иллюзорности тут одно – пройдя уже немалый жизненный путь, Есенин возвращается к мысли о настоящем, подлинном и, видя это искреннее начало в преданной ему Беннславской, пишет о нем как об особой ценности.

Письма для Есенина были своеобразной палитрой, в ней отражались не только цвета, но оттенки и полутона. В письмах поэта ставились и некоторые эксперименты со словом, не всегда осознанно велся поиск удачных сочетаний лексем, словообразовательных рядов, тематических групп слов.

Приведем в пример раннее письмо Есенина к Бальзамовой от июля 1912 г., написанное после расставания с девушкой, которой он искренне симпатизировал: «Мне хочется, чтобы у нас были *одни чув-*

ства, стремления и всякие высшие качества. Но больше всего *одна* душа – к благородным стремлениям. Что мне скажешь, Маня, на это? Теперь я *один* со своими черными думами!» (курсив мой. – В. А.) [Есенин: 10]. Единение в данном случае противопоставлено одиночеству, а стремления – черным думам. В письме выстраиваются даже своеобразные рифмы, в том числе и звуковые: «Скверное мое настроение от тебя не зависит, я что-то сделал, чего не могу никогда-никогда тебе открыть. Пусть это будет чувствовать моя *грудь*, а тебя пусть это не тревожит. Я написал тебе стихотворение, которое сейчас не напишу, потому что на это нужен шаг к твоему позволению... Тяжелая, безнадежная *грусть!*» (курсив мой. – В. А.) [Есенин: 10]. Через несколько писем Есенин расскажет Бальзамовой, что случилось с ним: в тяжелом и помраченном состоянии он выпил немного уксуса, но испугался, сразу же запил уксус молоком: речь в письме идет вроде бы о *физической боли*, вызванной ожогом пищевода. Однако за счет намеренного умолчания (автор не рассказывает, что с ним случилось), описания состояния героя и рифмующихся лексем «грудь – грусть» разговор переводится на уровень представления не физического, но душевного состояния.

Л.В. Поликовская отмечает контрасты раннего Есенина: «Есенин глазами сослуживцев и Есенин в письмах Грише Панфилову и Марии Бальзамовой – какой контраст! Молодой, радующийся жизни – и глубоко печальный, ненавидящий эту жизнь, подумывающий о самоубийстве. Где же правда? И там и тут. Мы не исключаем, что в письмах Есенин отчасти сгущает краски, подстраивая собственный образ под образ своего лирического героя – поэта. “Веселый и радостный” – это вовсе не идеал Серебряного века. И Есенин – сознательно или подсознательно – отдает дань моде. Но правда и другое: в веселом, как будто бы ничем не отличавшемся от других юноше постоянно идет глубокая внутренняя работа, рассказать о которой он может только очень близким людям» [Поликовская: 78]. Но кроме указанных исследовательницей радости и печали встречаются в письмах Есенина более сложные контрасты. К примеру, в письме Панфилову от 23 апреля 1913 г. звучит яркий христианский призыв Есенина: любить и жалеть разных людей – «и преступников, и подлецов, и лежцов, и страдальцев, и праведников» – и «обнаруживать ласкою жизненные болезни людей» [Есенин: 36]. Это просветление и готовность поэта к слиянию с миром резко контрастируют с настроением в письме к Бальзамовой от мая – декабря 1913 г. – поэт представляет мрачную жизнь, в которой всё «пошло и ничтожно»: «Ничего в ней нет святого, один сплошной и сгущенный хаос разврата. Все люди живут ради чувственных наслаждений», а редкие люди, не принимающие эту жизнь, быстро увядают и уходят [Есенин: 39].

По справедливому замечанию исследователей, «письма Есенина — такой же исключительно точный барометр, улавливающий самые тонкие перемены в умонастроении и душевных “перестроениях” поэта, как и его лирика. В них, зачастую переполненных реалиями быта и “деловой суетой”, не раз достоверно обозначаются новые вехи в творческих исканиях Есенина; они иногда раньше, чем поэзия, свидетельствуют и о его духовном кризисе, и о его духовном преображении» [Пяткин: 28].

В некоторых письмах Есенин сам обозначает достаточно внезапный слом или изменения, произошедшие в нем. Так, говоря о значительном «перестроении внутреннем», Есенин описывает плату, которую пришлось отдать за то, чтобы стать поэтом [Есенин: 117]. В отдельных письмах видны достаточно резкие характеристики окружения поэта в это время. Примером может служить письмо поэта к Панфилову от июня 1911 г.: «Я поспешил скорее убраться из этого ада, потому что я боялся за свою башку. Все-таки мне зло сделал Епифанов, он облил сундук керосином. Что ты мне прописал про их гулянье, я насколько этому не удивляюсь, потому что я уже был уверен в этом, а на глупые выходки Тиранова я смотрю как на сумасшествие. Он часто беснуется. В нем, вероятно, живет легион, поэтому ему не мешает попросить своего ангела, чтобы он его исцелил. А Яковлев настоящий идиот, из него, я уверен, ничего не выйдет, и вот он окончил школу, но бесполезно. А Калабухов самая дрянь и паскуда. Ну ладно об этом толковать, поговорим о другом» [Есенин: 7].

Интересна не только финальная фраза отрывка, благодаря которой поэт переводит разговор на другую тему, но и контрастное, выстроенное благодаря разностилевой лексике описание, которое располагается по нарастающей: сначала перед нами появляется антитеза земного и горнего, созданная не без иронии автора, которая далее выходит к откровенным негативным номинациям и ругательствам. Значимо употребление Есениным религиозно-церковной лексики: ад, зло, беснуется, легион, ангел. Этот пласт слов, определяемый народной верой, оставался в душе Есенина всю жизнь. М.В. Скороходов отмечает глубинную связь Есенина с народным миром, говорит о народной школе, пройденной поэтом в отрочестве и юности, о постижении Есениным основ православной культуры, интересе поэта к старобрядцам: «Напомним, что Есенин во время учебы в Спас-Клепиках изучал Закон Божий и общую церковную историю (по четыре часа в неделю в первый и второй годы учебы и по три часа – в третий год обучения), а также церковную и гражданскую отечественную историю (по три часа в неделю во второй год учебы и по два часа – в третий), поэтому был прекрасно осведомлен о событиях, описанных в Вет-

хом и Новом Завете, разбирался в русской и мировой истории» [Скороходов: 32].

Рассуждений собственно о Боге и божественном, о вере в письмах Есенина очень мало (за исключением ранних писем, в которых, например, упоминается Христос), но поэт часто говорит о душе, причем подразумевает под ней не чувствительность, но способность человека к нравственному росту, совершенствованию на основе любви к людям. В письме к Н.К. Вержбицкому от 25 июля 1925 г. Есенин сетовал на то, что его супруга Софья Андреевна, внучка Л.Н. Толстого, слишком полна памятью о великом писателе, из-за которого ему самому в семье остается мало места: «С новой семьей вряд ли что получится, слишком всё здесь заполнено “великим старцем”, его так много везде, и на столах, и в столах, и на стенах, кажется, даже на потолках, что для живых людей места не остается. И это душит меня» [Есенин: 219]. Хотя именно с толстовского понимания жизни начал сам Есенин, а его рассуждения о душе на протяжении всей жизни сохраняли народный смысл.

Вспомним народных героев у Толстого и Константина Левина, автобиографического персонажа в романе «Анна Каренина», который прозревает, осмысляя слова подавальщика Федора: «Да так, значит – люди разные; один человек только для нужды своей живет, хоть бы Митюха, только брюхо набивает, а Фоканых – правдивый старик. Он для души живет. Бога помнит» [Толстой: 376]. Н.И. Шубникова-Гусева пишет, что «характерной чертой теоретических взглядов Есенина является его широкий подход к интерпретации русского самосознания, национальной и мировой культуры. В стремлении возродить основы творчества своего народа, его “особенную физиономию” и органически соединить их с современными поисками нового духа модерна в литературе XX в. трудно найти поэта, равного Есенину» [Шубникова-Гусева: 9]. Душевность очень часто встречается в письмах Есенина именно как характеристика *русского народного характера*.

В письме к Панфилову от 18 августа 1912 г. Есенин рассуждает о не имеющих выхода душевных чувствах в ситуации слишком однообразно проходящей жизни [Есенин: 13]. Читатель письма буквально чувствует порывы автора, которому были узки рамки внешней реальности: вероятнее всего, не столько за новыми ощущениями, сколько за яркими и первозданными чувствами будет стремиться потом Есенин и в Европу, и в Америку, но быстро разочаруется. В письме к А.М. Сахарову от 1 июля 1922 г. из Дюссельдорфа Есенин отметит, что у русского человека, в отличие от европейского, есть *душа*: «Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину» [Есенин: 140].

А.Б. Мариенгофу 9 июля 1922 г. Есенин напишет, что хочет поскорее выбраться из «кошмарной Европы», вернуться к русскому хулиганству и задору [Есенин: 141]. Обратим внимание на тот факт, что хулиганство и задор выражают у поэта не распущенность и вольности, но горячность натуры. Примечательно еще одно письмо Мариенгофу от июля – августа 1922 г., дерзкое и вызывающее и в обращении к адресату, и его номинации («Дура моя – Ягодка! ты тоже сволочь из сволочей. Как тебе не стыдно, собаке, – залезть под юбку и забыть самого лучшего твоего друга»), и в описании Европы. Есенин создает послание, должное произвести впечатление и передать ощущения, при этом он не скупится на приемы и средства выразительности: риторический вопрос и восклицание, смена первого дерзко-игривого обращения формульным «милостивый государь». Но еще важнее здесь повтор «бьется сердце» в соединении с умолчанием в первом случае и прояснением, что бьется сердце ненавистью. Прояснение это резко меняет тон письма на контрастный, усиливаемый сниженным «блевать хочется»: «Знаете ли Вы, милостивый государь, Европу? Нет! Вы не знаете Европы. Боже мой, какое впечатление, как бьется сердце... О нет, Вы не знаете Европы! Во-первых, Боже мой, такая гадость однообразия, такая духовная нищета, что блевать хочется. Сердце бьется, бьется самой отчаяннейшей ненавистью...» [Есенин: 146]. 12 ноября 1922 г. Есенин пишет Мариенгофу, что после его поездки «заграница», бывшая иллюзией при всех российских лишениях, потеряла весь смысл. Не случайно Есенин констатирует: «Молю Бога не умереть душой и любовью к моему искусству» [Есенин: 150]. Фраза эта максимально содержательна: здесь и *Бог*, и *жизнь души*, и искусство, которое для Есенина как народного поэта немислимо без первых двух обозначенных явлений. Кроме того, всё это должно было стать «противоядием» от полученных поэтом в поездках по западным странам впечатлений.

О душе Есенин упоминает в письмах гораздо больше, нежели даже об умственных способностях человека, в любом случае душевность, чуткость, чувствительность, отзывчивость у него почти всегда на первых местах. В текстах ранних писем Есенина рассуждения о душе представлены явно. Причем поэт пишет как о положительных, высоких душах, так и о противоположных – «душонках». В сентябре – октябре 1912 г. поэт сообщает Бальзамовой: «Твой порыв может пройти. Ты встретишь достойного себе человека, умнее, серьезнее и сильнее душой меня» [Есенин: 18]. А в письме к ней же от июля 1912 г. ругает окружающих, обличая в них именно отсутствие большой души: «Ты ничего никому не открывай об этом. Главное. Меня терзают такие мелкие и пустые душонки...» [Есенин: 11]. Примечательно

упоминание о душе в письме Р.В. Иванову-Разумнику от 6 марта 1922 г., в котором Есенин несколько иронично отзывается о Клюеве, находя и в его поэзии, и в его письмах «мистику дешевого православия», которую он противопоставляет настоящему жизненному чувству. Два значимых предложения письма построены на основе антитез: высокого и низкого. Между тем Есенин так выстраивает предложения, что эти антитезы оказываются двумя сторонами одной неразделимой сущности, пока речь идет о *земной жизни человека*: «Или “ризы души своей” боится замарать нашей житейской грязью? Но тогда ведь и нечего выть, отдай тогда тело собакам, а душа пусть уходит к Богу» [Есенин: 131].

К другу-поэту А.Б. Кусикову, жившему в Париже, уехавший в Америку Есенин пишет с просьбой сообщить московские новости, но без «гадостей», которые говорят и пишут о самом Есенине. В контексте всего *заграничного письма* значима грусть поэта, прекрасно отраженная в знаковом и несколько раз повторяемом к Кусикову обращении – «душа моя», а также просьба поэта о новостях с родной земли, причем светлых: «Напиши мне что-нибудь хорошее, теплое и веселое, как друг» [Есенин: 154]. В письме умещается еще и размышление поэта о том, к какой революции он принадлежал, а в финале Есенин сообщает, что ему «больно и тошно» [Есенин: 154].

Н.А. Каленова считает письма Есенина, «с одной стороны, творением художника слова, с другой – результатом речемыслительной деятельности, не ориентированной на творческий замысел, а обслуживающей бытовую сферу личности автора» [Каленова: 68]. Опять перед нами две стороны, и материального, вещественного, сниженного в письмах Есенина много, но оно не выделяется ни пошлостью, ни мелочностью, поскольку поистине широкой была натура поэта.

Приведем несколько примеров, описывающих сложное материальное положение Есенина в разные годы: «Положение мое скверное. Хожу отрепанный, голодный, как волк, а кругом всё подтягивают. Сапоги каши просят, требуют, чтоб был как зеркало, но совсем почти невозможно» [Есенин: 90]; «Живу, дорогой, – не живу, а маюсь. Только и думаешь о проклятом рубле. Пишу очень мало» [Есенин: 112]; «Положение хуже, чем у свиньи, которую откармливают на убой. Черт с ними, что деньги от всего того, что я не беру их, накапливаются, дело в том, что у меня ни монеточки. Даже в кино нет на билет, а Шурке на трамвай» [Есенин: 225–226]. Все приведенные цитаты показывают достаточно простое отношение поэта к деньгам. Есенин часто испытывал финансовые трудности, не всегда мог помочь родным (порою и сам нуждался в помощи).

В письмах к знакомым Есенин часто не скрывает плохого самочувствия, пишет о боли и неу-

добствах: «Очень собираюсь к Вам, но помираю от зубной боли. Жалею, что вчера не мог зайти, провалялся, как с белены» (Иванову-Разумнику, 6 февраля 1917 г.) [Есенин: 92]; «На днях сдурил и обрил свою голову, уж очень иссушил кожу. Полечу маленько. Будь здоров» (Мурашеву М.П. 18 февраля 1917 г.) [Есенин: 93]. Но эти проблемы, возникающие на физическом уровне, Есенин описывает редко, на первый план выступают моральные тяготы, прежде всего одиночество. И зная о том, насколько оно тяжело, Есенин, когда представляется такая возможность, пытается спасти от одиночества других: в письме от 9 марта 1918 г. к Л.Н. Столице Есенин просит ее поддержать хорошего человека, Петра Авдеевича Кузько: «Примите его и обогрейте Вашим приветом. Ему ничего не нужно, кроме лишь знакомства с Вами, и поэтому я был бы рад, если бы он нашел к себе отклик в Вас. Человек он содержательный в себе, немного пишет, и общение с Вами кой в чем (чисто духовном) избавило бы его от одиночества, в которое он заброшен по судьбе России» [Есенин: 101].

Как мы уже отмечали выше, настроение Есенина менялось часто, и в письма поэта чаще всего попадали те события, которые прямо или косвенно были маркированы его эмоционально-оценочным отношением. Причем встречаются письма, в которых причина определенного состояния обыгрывается поэтом. Так, в послании Бениславской от мая 1924 г., описывая негативные ощущения и их поводы, Есенин находит место иронии над самим собой: «Погода была скверная, настроение от безденежья – тоже. На днях получу. Главным образом грустен потому, что дьявольски растолстел. Костюм не сходится. Белье приходится перепарывать. Черт знает что такое! Утром не могу без пота натянуть ботинки» [Есенин: 167].

В письмах Есенина шутки (чаще всего достаточно резкие) контрастируют с общим настроением грусти, которая у поэта нередко приобретает характер порабощающей, гнетущей человека тяжести. Внешние факторы, связанные с подобными ощущениями, могли быть на протяжении жизни Есенина разными, но поэт легко оказывался в разных «тисках»: «Не знаю, много ли времени продолжится это животное состояние. Я попал в тяжелые тиски отца. Жаль, что я молод!... Никак не вывернешься. Не знаю, что и писать, и голова тяжела, как свинец. Отовсюду по роже скользит влага. Удрученное состояние» (Панфилову, февраль – март 1913 г.) [Есенин: 32–33].

Письма Есенина открывают глубину переживания автором многих событий личной и общественной жизни, а всевозможные контрасты эпистолярного наследия поэта позволяют приблизиться к пониманию его сложной душевной работы, которую, несмотря на все внешние события, литературную борьбу с ис-

пользованием разных средств, нередко идущих вразрез с совестью, Есенин считал самой важной, отличающей путь русского человека от всех других дорог.

Список литературы

Есенин С.А. Полн. собр. соч. в 7 т. Т. 6: Письма. М.: ИМЛИ РАН, 1999. 818 с.

Калёнова Н.А. Основные параметры частного письма как речевого произведения (на примере эпистолярная С.А. Есенина) // Известия волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 10 (95). С. 68–75.

Ливкин Н.Н. В «Млечном Пути» // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. М.: Худож. лит., 1986. Т. 1. С. 163–167.

Поликовская Л.В. Есенин. Русский поэт и хулиган. М.: Вече, 2014, 286 с.

Пяткин С.Н., Кудряшова Д.Б. Вопросы теории искусства в эпистолярной Сергее Есенина // Современное есениноведение. 2016. № 4 (39). С. 27–33.

Скорыходов М.В. К вопросу об истоках раннего творчества Есенина: старообрядчество и православная культура в фокусе синтеза искусств // Современное есениноведение. 2020. № 4 (55). С. 30–40.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит. 1935. Т. 19. 520 с.

Шубникова-Гусева Н.И. Есенин и искусство: проблемы и перспективы исследования // Сергей Есенин и искусство: сб. науч. трудов. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 8–33.

References

Yesenin S.A. *Polnoe sobranie sochineniy: v 7 t. T. 6. Pis'ma* [Complete works: in 7 vols. Vol. 6. Letters]. Moscow, IMLI RAN Publ., 1999, 818 p. (In Russ.)

Kalenova N.A. *Osnovnye parametry chastnogo pis'ma kak rechevogo proizvedeniia (na primere epistoliarrii S.A. Yesenina)* [The main parameters of private writing as a speech work (on the example of S.A. Yesenin's epistolary)]. *Izvestiia volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], 2014, № 10 (95), pp. 68–75. (In Russ.)

Livkin N.N. *V "Mlechnom Puti"* [In the "Milky Way"]. *S.A. Esenin v vospominaniakh sovremennikov: v 2 t.* [S.A. Yesenin in the memoirs of contemporaries: in 2 vols.]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1986, vol. 1, pp. 163–167. (In Russ.)

Polikovskaia L.V. *Yesenin. Russkii poet i khuligan* [Yesenin. Russian poet and bully]. Moscow, Vechе Publ., 2014, 286 p. (In Russ.)

Piatkin S.N., Kudriashova D.B. *Voprosy teorii iskusstva v epistoliarrii Sergeia Yesenina* [Questions of the theory of art in the epistolary of Sergei Yesenin]. *Sovre-*

mennoe eseninovedenie [Modern Yeseninovedenie], 2016, № 4 (39), pp. 27–33. (In Russ.)

Skorokhodov M.V. *K voprosu ob istokakh rannego tvorchestva Yesenina: starobriadchestvo i pravoslavnaia kul'tura v fokuse sinteza iskusstv* [On the question of the origins of Yesenin's early work: the Old Believers and Orthodox culture in the focus of the synthesis of arts]. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yeseninovedenie], 2020, № 4 (55), pp. 30–40. (In Russ.)

Tolstoi L.N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols.]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1935, vol. 19, 520 p. (In Russ.)

Shubnikova-Guseva N.I. *Esenin i iskusstvo: probleme i perspektivy issledovaniia* [Yesenin and art: problems and research prospects]. *Sergei Yesenin i iskusstvo* [Sergei Yesenin and art]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2014, pp. 8–33. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.12.2021; одобрена после рецензирования 29.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 28.12.2021; approved after reviewing 29.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.